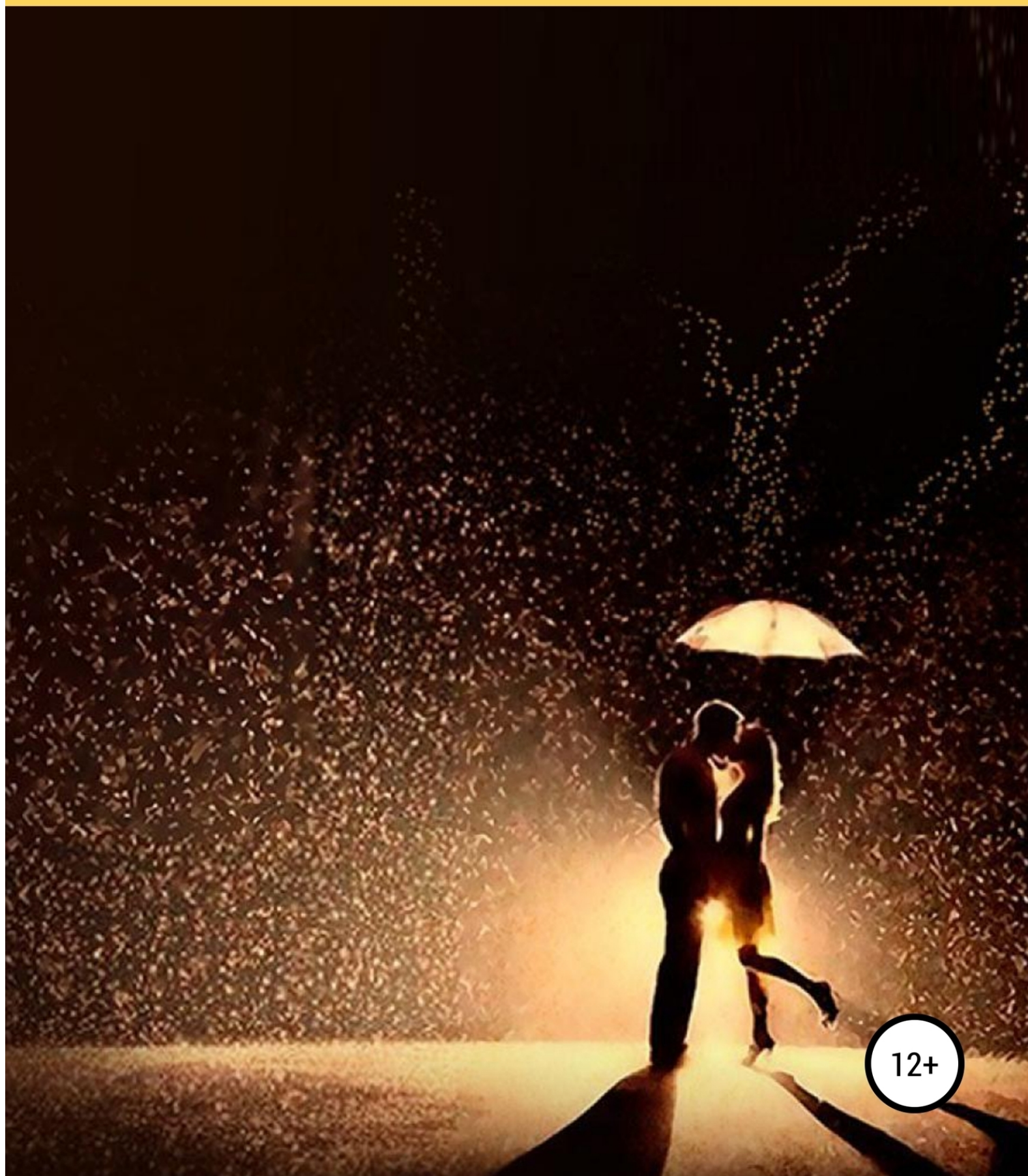

Антон Дворченко

Будь дождем, будь ветром...

12+

АНТОН ДВОРЧЕНКО

Будь дождем, будь ветром...

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Дворченко А. Г.

Будь дождем, будь ветром... / А. Г. Дворченко — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Что делать, когда весь мир против тебя? Что делать, когда жена предала,
друзья отвернулись? Что делать, когда ты остался без крыши над головой,
жизни угрожает опасность, а времени остается все меньше?

Моей маме с благодарностью за все.

***Суббота, 13:00, 2.5 месяца до начала отсчета
Отель «Усадьба Орехово»***

Они отдыхали в постели бок о бок, едва касаясь друг друга, счастливые и усталые. Лучи солнца пробивались сквозь закрытые жалюзи, создавая приятный полумрак. Номер был оплачен на три часа – пора вставать, принимать душ, убираться восвояси, а так хотелось забыть о времени и бесконечно нежиться в мягкой кровати!

Девушка повернулась к лежащему рядом мужчине.

– Увези меня отсюда.

– Куда?

– Неважно. Куда-нибудь подальше. Хочу море, пляжи, бунгало... Надоели постоянные прятки.

– Зая, ты же знаешь, я для тебя – хоть звезду с неба, просто с деньгами сейчас совсем никак.

– У тебя с ними всегда никак.

– Хорошо, что ты своему скажешь? Он тебя так просто отпустит?

– Значит, придумай что-нибудь.

– Придумаю, не переживай. Дождемся подходящего момента.

– А если он не настанет?

– Тогда мы его устроим.

***Суббота, 20:00, 46 часов до конца отсчета
Квартира Николая***

Ольга опустила ватную палочку в пузырек, склонилась над избитым мужем. С видом художника, создающего шедевр, добавила последний штрих к йодной сетке на свежей ссадине.

Николай подумал, что еще немного, и он не выдержит. С детства не переносил запах лекарств, да и щипало немилосердно, но Ольга как раз решила, что потрудилась достаточно.

Полюбовавшись на дело рук своих, она спросила:

– Кто это тебя так?.. Под машину попал?

– Барс и его люди. – Говорить приходилось коротко, с паузами. Болели разбитые губы, до сих пор не получалось вдохнуть полной грудью. – Можно сказать, повезло. Он просил не калечить меня. Пока что.

– Что за Барс?

– Не знаешь? Счастливая. Я тоже не знал.

– И чего ему от тебя надо?

– Деньги. Много денег. Он думает, я их украл.

– Какие деньги? Ты же уходил куролесить со своими дружками. Вы что, по пьяни чего-то натворили?

– Никто ничего не творил. Ну... то есть, кто-то должен был... Хотя все, вроде, свои. Не знаю, в общем.

– А сколько было денег?

– Много. Очень много. Квартиру можно продать, но не факт, что хватит. Да и не выйдет сразу, мне надо быстро.

– В смысле?

– Барс дал двое суток. Это было пару часов назад.

– А потом где тебя носило?

– Так меня ж увез... Блин! – Николай попытался облизнуть пересохшие губы, тут же пожалев об этом. – Мы с Барсом... беседовали далеко отсюда. Спасибо, обратно меня Генка подбросил. Но он после всего теперь злой, как черт. Напоследок сказал – или по-хорошему возвращаешь бабки, или даже не звони мне.

– А он как там оказался? Тоже из-за денег?

– Ну да. Генка, оказывается, давно у Барса на побегушках был, потихоньку подниматься начал. Поручили ему в этот раз пару-тройку дней подержать у себя взятку для передачи какой-то большой шишке. Но там мутная история и чем меньше про это знать, тем лучше.

– Да уж,.. лучше бы ты попал под машину. – Ольга помолчала, собираясь с мыслями. – Вот что, я сейчас принесу тебе чай. Попей, передохни. Я тоже в себя немного приду, а то ты такого нагородил... Вернусь, расскажешь нормально, с самого начала – кто, зачем и почему.

Чай был бурда бурдой. Цвет какой-то неопределенно-неприятный, вкус – того хуже. Николай предпочитал старый добрый черный с двумя ложками сахара. В идеале с лимоном. Ольга же давно увлекалась всякими экзотическими составами. С первого дня их совместной жизни она частенько приносила попробовать то один, то другой напиток из трав, корешков, вообще не пойми чего, ожидая лишь благодарного восхищения. Под ее требовательным взглядом Николай с трудом влил в себя половину большой чашки, умудрившись не скривиться и даже одобрительно кивнуть. Однако стоило удовлетворенной увиденным Ольге удалиться к себе, тихонько прошел на кухню, чтобы вылить остальное в раковину.

Когда он на цыпочках крался обратно, из-за закрытой двери комнаты жены донесся приглушенный голос. Это было странно. Кому и зачем Ольге понадобилось звонить именно сейчас?

Николай ни разу в жизни не подслушивал, но ноги против воли поднесли его поближе. В наступившей тишине можно было без труда разобрать каждое слово.

– Нет, он пока ничего не понял... Не беспокойся, я такие вкусы намешала, чего хочешь можно подсыпать... Да, минут через пятнадцать должно подействовать. Подходи, я открою.

Николай даже не успел до конца осознать услышанное. Он замер на месте, боясь пошевелиться, только теперь обратив внимание на легкий звон в ушах и слабость в коленях. В этот момент дверь распахнулась. Шагнувшая навстречу Ольга от неожиданности чуть замешкалась.

Брови жены еще поднимались вверх, когда Николай, почти не осознавая, что делает, толкнул ее обратно в комнату, захлопнув дверь.

Года три назад они попробовали завести щенка. Ничего хорошего из этой затеи не вышло. Пес был редкого окраса, породистый, но имел привычку грызть и слюнявить все, до чего мог дотянуться. Более чем скромные размеры он компенсировал невероятной для своего телосложения прыгучестью, стоически переносил наказания, игнорируя любые команды. Промучившись с полгода, супруги по обоюдному согласию вернули бестолковую псину заводчику. Однако с тех пор на каждой двери в квартире и снаружи, и внутри осталось по шпингалету.

Так что теперь, против воли помянув несносную шавку добрым словом, Николай закрыл задвижку, привалившись к двери, чтобы жена не смогла ее выломать.

Но Ольга не собиралась проверять, кто сильнее. Вместо этого она снова набрала номер на мобильном и, уже не скрываясь, заорала в трубку:

– Срочно дуй сюда, этот козел меня запер! Задержи его!!!

Николай отпрянул, заметавшись по квартире. Звон в ушах нарастал, мысли начинали путаться. Ясно одно: с двумя сразу, да в теперешнем состоянии ему не справиться. Надо бежать. Собрать самое необходимое и бежать. Так, ключи, мобилка, бумажник на месте. Что еще? Документы? Где они лежат? Одежду? Какую? Ох ты ж...

Окружающий мир поплыл перед глазами... Николай с трудом удержал равновесие. Понятно. Берем то, что есть, и ходу, пока еще не свалился.

Кое-как натянув кроссовки на немеющие ноги, бросив входную дверь открытой, он вывалился на лестничную площадку, с хрустом вдавил кнопку лифта.

Не повезло. Судя по звукам, доносившимся из шахты, кабина прошла его этаж и продолжала движение вниз. Николай колебался. По лестнице спускаться не хотелось – не было уверенности, что получится пройти этот путь до конца. Из глубины квартиры донеслись резкие удары пополам с сухим деревянным треском. Теперь Ольга пыталась освободиться, сколько продержится шпингалет, неизвестно, а еще... – Николая бросило в пот, – а еще хороший вопрос, кто именно и на какой этаж поднимется сейчас на лифте? Не сообщник ли жены?

Пролеты бесконечной вереницей тянулись один за другим. Казалось, что этот кошмарный сон никогда не закончится, что Николай обречен до скончания веков спускаться ниже, ниже... Ноги едва подчинялись, носки кроссовок цеплялись за ступеньки. Последние пару этажей он частично перешагивал, частично сползал вниз, хватаясь за перила.

Наконец скрипучая дверь выпустила Николая на кривую улочку позади дома. Запах пыльного бетона с примесью мочи сменился миазмами мусорных контейнеров. Ничего. Это можно пережить. Зато сюда не выходят ни окна, ни балкон его квартиры. Если он успеет унести ноги, через пару домов будет выход на широкую магистраль. На ее противоположной стороне автобусная остановка. Дальше – садись на любой маршрут и поминай, как звали.

У него почти получилось. Шатаясь, как пьяный, спотыкаясь на каждом шагу, Николай добрел до ступенек (опять ступенек!) подземного перехода, когда его накрыло окончательно. Звон в ушах к этому времени прекратился. Звуки доносились глухо, как сквозь толстый слой ваты. Из-под земли, усиленная отражением от узких каменных стен, звучала мелодия. Она была незнакомой, зато исполнителя Николай определил сразу.

Давным-давно, в другой жизни, в их части города родился и вырос довольно одаренный музыкант. Больших успехов ему достичь не удалось, однако репертуар был – хоть скромный, зато свой. На концерты народ, хоть и без аншлагов, приходил исправно. Так что на хлеб с маслом, а когда-никогда на красную икорку, хватало.

Жизнь музыканта круто изменилась в девяностые, когда его заметил и оценил один из разбогатевших бандитов, ставший по совместительству меценатом. Изменилась в худшую сторону. До денег со славой дело дойти не успело. На одном из выступлений в дорогом ресторане покровителя застрелили, а не вовремя подвернувшемуся музыканту попали в голову. Отлежав свое в коме, он выжил, но рассудок вернулся не полностью. На выступлениях, как и на нормальной жизни, пришлось поставить крест.

Так в подземном переходе появился попрошайка по кличке Ерш. Кто и когда придумал прозвище, давно забылось, но подходило оно – точнее некуда. Всклокоченные седые волосы. Острые скулы и нос. Опущенный, потерявший подвижность после ранения, уголок рта. Утративший глубину и мелодичность голос.

Играл Ерш на дорогой, сохранившейся еще со старых времен гитаре, но скрюченные пальцы слушались плохо. Пришлось переучиваться, класть инструмент плашмя, как гусли. Обрывочная речь с заметным заиканием (чудом исчезавшим на время исполнения) повлияла и на тексты песен, превратившихся в бессвязный поток фраз, по настроению – то меланхоличный, то агрессивный. В данный момент Ерш наигрывал что-то энергично-бунтарское.

Шквал налетел, разорвал паруса,
Гордая птица взмахнула крылом.
Кровью слезятся от ветра глаза,
Хищные клювы за тонким стеклом.

По ступенькам Николаю пришлось ползти, отталкиваясь руками. Ноги отказали полностью. Контуры предметов темнели, расплывались, меняли очертания, словно он смотрел на них сквозь рябь на мутной воде. Только дуэт голоса и гитары оставался маяком в наступившей среди дня ночи.

Струны банджо рвутся наискосок,
Виснут, намокшие, в каплях дождя.
Боль утекает в зыбучий песок.
Надо восстать, только нету вождя.

Лестница закончилась. Оставшиеся метры растянулись бесконечной чередой каменных плит. Николай попытался позвать на помощь, но язык превратился в чужеродный предмет, случайно оказавшийся во рту. Ерш сосредоточенно глядел в пространство перед собой, не замечая ползущего к нему человека, продолжал терзать струны.

Вот уж лежит на небесных весах
Сколько ты стоил, чего ты достиг.
Боже, как медленно в мертвых глазах
Тает навеки растянутый миг!

Николай с третьей попытки вытащил из кармана бумажник, напруг последние силы, чтобы выговорить: «Помоги, спрячь... возьми...» Из рта вырвалось лишь бессвязное мычание. Бумажник выпал из пальцев. Мир закружился все быстрее, быстрее, пока не канул во мрак.

Суббота, 22:00, 44 часа до конца отсчета
Квартира Николая

Ольга широкими шагами мерила комнату. В который раз за вечер она раздраженно бросила:

– Ну и что теперь делать? Весь твой гениальный план коту под хвост.

Мужчина словно не заметил вопроса. Лишь убедившись, что новый замок на входной двери работает, как следует, он, не спеша вытер с рук остатки машинного масла и повернулся к девушке.

– С моим планом все в порядке. Конечно, в идеале, если бы ты его не упустила...

– Мы!

– Ладно, если бы мы его не упустили, можно было бы подержать твоего благоверного пару суток на таблетках. Потом отпущенный ему срок заканчивается, в дело вступает этот бандит. Как его, говоришь?..

– Барс.

– Барс, точно. И все. Ты свободна, как ветер. Но ничего непоправимого не произошло. С твоих слов он выскочил, в чем был. В квартиру со старым ключом теперь не попасть...

– А если он вызовет полицию?

– Да пожалуйста. Действуем, как договаривались. Ты их впускаешь, плетешь любые небылицы, наговариваешь на него, стоишь на своем, тянешь время. Пускай проверяют и перепро-

веряют – результат будет тот же. А если твой муженек сообразит, что сюда соваться не стоит, я все равно посмотрел бы, как он за двое суток успеет хоть что-нибудь разузнать. Так что не переживай, зая. Все будет тип-топ!

С этими словами мужчина стал обуваться.

Ольга опешила.

– А ты разве... Ну, то есть, никто же теперь мешать не будет. Я думала ты останешься.

Мужчина в дверях для вида помедлил. Конечно, можно было покувыркаться напоследок, но тогда весь график полетит к чертям. Не сейчас. Он шутливо щелкнул Ольгу по носу.

– Потерпи немножко. Скоро все закончится и нам уже никто никогда не помешает. А сейчас мне надо кое-что подготовить. Жди.

Суббота, 23:00, 43 часа до конца отсчета

Подземный переход

Николай открыл глаза и долго не мог сообразить, где находится. Он лежал, свернувшись клубочком, на остатках картонной коробки из-под бананов, укрытый старым, выдавшим виды ватником. На глаза надвинута ярко-красная в далеком прошлом кепка. Вещи были заношены в хлам, но без характерного кислого запаха. Сидящий рядом Ерш перестал трясти его за плечо, вернувшись к подстройке струн гитары.

– В-вот и хо-орошо. М-мне пора-пора. Еще один раз п-песня.

– Мне некуда идти.

– Ж-жалко.

– Меня искали?

Ерш взял на пробу пару аккордов. Стал наигрывать что-то неторопливое, мелодичное, но с тревожными нотками.

– Ис-скали, ага.

– Кто?

Ерш пожал плечами не переставая щипать струны. Потом, напоминая погруженного в транс дервиша, начал выводить хриплым речитативом:

Я всего лишь Декабрь,
Размазанный маслом
По бескрайней пустыне,
Зовущейся Болью,
Наносящий раненья
Самолюбию древних,
Вечным воинам Духа,
Живущих за гранью.

Во время длинного проигрыша Ерш, не переставая брать аккорд за аккордом, продолжил своим обычным голосом, как ни в чем ни бывало.

– П-парень один. Т-твой года. Одет, как все. П-примет нет. Говорил, д-друг пропал. На-адо най-ти-найти. П-позарез.

– Что ты ему сказал?

– Ты шел-шел. П-потом полз. Ноги п-плохо... Уполз совсем-совсем.

– И он поверил? А как же я? Если вы разговаривали, он до меня мог рукой дотянуться!

Ерш улыбнулся половиной рта.

– Н-не мог. Ты сейчас на вид, ка-ак я, б-бомж. Жди-жди.

Я ведь просто Декабрь,
Я привратник безумья.
Кровью каплет распятые
В визирных отметках.
Крест – лишь точка прицела,
И Христос уж бессилён
Там, где разум
Слепая вражда заслоняет.

Николай сел, прислонился спиной к стене. Отрешенно глядя перед собой, спросил:
– И куда мне теперь идти?
– Н-не знаю. Если ты к-ко мне хочешь ночь-ночь, н-нельзя.
– Почему?
– Н-нельзя! Н-не скажу. Хуже будет. Н-не проси. Ты да-ал деньги, я п-помог. Да-альше сам-сам. Н-нельзя со мной. Хуже-хуже будет.

Я – Последний Декабрь –
Созерцатель похлебки,
Той, где плаваются камни
И слезы, и души.
Я – повестка Зимы,
Что приходит навечно,
В день, когда на Земле
Все о Боге забудут...

Ерш дал отзвенеть последнему аккорду, начал собирать вещи. Николай, не в силах принять происходящее, продолжал жаловаться:

– Да куда уж хуже?! Еще вчера у меня были друзья, дом, жена... А потом р-р-раз – и все рухнуло. Через два дня с меня потребуют огромную сумму, а когда я ее не верну, тогда... тогда... Ты что, не слышишь?!!

– Н-не слышу. Меня тут нет-нет. Меня д-давно нет. Ты говоришь сам-сам. А чем с-сидеть и ныть... Если тебя смывает про-оливной дождь – будь д-дождем. Если тебя-тебя подхватил и ун-но-сит ветер – б-будь ветром.

– Что это значит?

Отвечать на вопрос было некому.

Николай честно попытался подумать. Получалось не очень. По переходу гулял свежий ночной ветерок, пахло сыростью. Скоро станет холоднее. Надо срочно найти какой-то ночлег. Домой возвращаться опасно, мало ли что за сюрпризы там ждут. Где тут была ближайшая гостиница? И почему нынче... Николай машинально хлопнул рукой по карману, где еще недавно лежал бумажник. Ах, да...

Гостиница отпадает. Родители? До них самолетом добираться. Друзья? Те четверо (Алексей в больнице не в счет), к которым можно было ввалиться в любое время хоть днем, хоть ночью, вчера сидели с ним за одним столом. И один из них подвел его, Николая, под монастырь. Если зайти домой именно к нему... Играть в русскую рулетку не хотелось.

Куда же податься без копейки денег?

Разве что... Это, конечно, плохой вариант. Сказать по правде, совершенно отвратительный, но либо так, либо скамейка в парке.

Линда.

То есть, разумеется, никакая не Линда, а Аня Смирнова, но она всегда требовала, чтобы ее называли именно так. Требование было первым и единственным, хотя недовольство собственным именем образовывало лишь верхушку айсберга. Комплексы охватывали практически все – от формы носа и фигуры в целом, до неумения стильно одеваться и наносить макияж. В остальном Линда-Аня была мягким, уступчивым, если не сказать почти бесхребетным созданием. Она училась на два класса младше в той же школе, что и Николай. Невысокая, пухленькая. Не такая красавица, чтобы на улице оглядывались, но довольно милая.

Безоглядно влюбившись, Линда превратила его жизнь в ад. Не обращая внимания на отсутствие взаимности, на насмешки окружающих, на настоятельные просьбы со стороны объекта обожания оставить его в покое, она присылала тонны СМС, рисовала записки с сердечками и ходила по пятам. Николай надеялся, что, когда он закончит учебу, страсти поутихнут, но не тут-то было.

В конечном счете настойчивость Линды была частично вознаграждена. После того, как девушка, получив аттестат, поступила в педагогический институт, Николай сдался.

Они начали встречаться, даже одно время снимали квартиру, но продолжалось это недолго. Линда ежеминутно обсуждала долгосрочные планы на будущее, вплоть до количества детей, их имен и ожидаемых достижений. По-прежнему не отходила ни на шаг, даже если Николай собирался в кино на фильм, который ей явно не нравился. Да что кино, пару раз она всерьез намеревалась пойти с ним в ресторан на деловую встречу! Если доходило до скандала, Линда быстро сдавалась, начиная умолять о прощении настолько униженно, что становилось тошно.

Конец отношений наступил быстро и закономерно. Как только на горизонте замаячила освободившаяся в тот момент Ольга, Николай без малейших угрызений совести причалил к другому берегу.

Впрочем, учитывая обстоятельства, возвать к былым чувствам брошенной подруги, напросившись на ночлег, было не самым тяжким грехом.

Хорошо, что их город не самый крупный на свете. Если поменьше рассиживаться, можно добраться задолго до наступления утра.

Николай поднялся на ноги, как мог отряхнулся и начал подниматься по лестнице.

Воскресенье, 1:00, 41 час до конца отсчета ***Квартира Николая***

Ольга проснулась, словно от толчка. Снился какой-то липкий, жуткий нескончаемый кошмар, который никак не хотел уходить. Она дотянулась до мобильного, проверила сообщения. Реклама, бессмысленная болтовня подружек...

Больше ничего.

В который раз Ольга едва подавила желание наплевав на полученные инструкции, позвонить самой, но пока что здравый рассудок одерживал верх над эмоциями. Только вот холодной иглой засело в сердце предчувствие беды, а отмахнуться от него, стараться мыслить позитивно, становилось все труднее.

В пустой квартире было тихо-тихо... Если замереть в кровати и не двигаться, легко могло показаться, что тут давно никто не живет.

Немного пахло пылью, из кухни доносился слабый аромат трав, пряностей, да из коридора еле уловимо тянуло густым запахом машинного масла. Это вносили свою лепту новый замок на двери и отвертка, оставленная в коридоре.

Сперва Ольга не обратила на нее внимания, а теперь рука не поднималась положить испачканный инструмент на место. Слово этот брошенный второпях предмет оставался един-

ственным доказательством того, что самый лучший человек на свете был здесь. Разговаривал, улыбался...

Существовал.

И, если отвертку убрать... Дальше думать не хотелось.

Да что за глупости лезут в голову, в самом деле! Надо сделать себе какой-нибудь успокаивающий чай повкуснее, заснуть. Утром от грустных мыслей не останется и следа.

Вылезать из постели не хотелось. Ничего не хотелось, кроме желания получить на телефон короткое сообщение о том, что все в порядке.

Ольга заставила себя дойти до кухни, взяться за чайник.

В мойке немым укором лежала чашка с остатками снотворного, из которой пил муж. Прикасаться к ней не было сил.

Не сейчас.

Настроение испортилось окончательно. Впервые мелькнула предательская мысль, что может быть, зря она ввязалась во все это.

С грохотом поставив чайник на место, Ольга вернулась под одеяло.

Полная мрачных предчувствий, она пролежала без сна почти до самого утра.

Воскресенье, 10:00, 32 часа до конца отсчета

Квартира Линды

На этот раз пробуждение было не в пример приятнее. Диван мог быть, конечно, помягче, подлиннее, но тут уж не до жиру...

Николай сладко потянулся, на мгновение забыв о нависшей угрозе. Скорее всего в следующий раз отдохнуть получится нескоро, а сил понадобится много.

Судя по звукам, пробивающимся сквозь закрытую дверь, по дразнящему запаху кофе, Линда уже проснулась и хлопочет на кухне.

Вчера все прошло гораздо легче, чем можно было ожидать. Для девушки поздний визит оказался полной неожиданностью, но неожиданностью приятной. Женская интуиция подсказала Линде, что со стервой-разлучницей Николай явно не в ладах и вот он, второй шанс, который нельзя упускать.

Взглянув на едва стоящего на ногах мужчину, девушка здраво рассудила, что с распросами лучше подождать. Порхая по комнате, она мигом постелила ему на выдавшем виды диване. Сказать по правде, у Николая была возможность устроиться в кровати самой Линды, но это было бы уже полным свинством с его стороны. Он не отказался – просто сделал вид, что не понял очевидных намеков.

Отдых пошел на пользу, хотя синяки с ушибами, полученные от громил Барса, болели немилосердно. Николай еле-еле заставил себя подняться на ноги. Теперь умыться, перекусить и составить план действий – пора приниматься за работу.

Когда он зашел на кухню, на столе был не просто королевский завтрак. Николаю показалось, что Линда хотела наверстать все приемы пищи, пропущенные с момента расставания. Слова были бессильны. Он смог только слабо выдать:

– Спасибо. И за ночлег, и за... это все...

– Не за что.

– Ты что, совсем не обиделась?

– Не очень. Я знала, что ты рано или поздно вернешься. Когда ты ушел тогда, у меня все пошло наперекосяк. Сперва на работе сократили, а через несколько месяцев я осталась сиротой.

На глаза Линды против воли навернулись слезы.

Николай растерялся, попытался неуклюже успокоить:

– Ну, не плачь... Сирота – это маленький ребенок, а ты уже взрослая. Взрослому легче.

– Неправда. Не имеет значения, сколько тебе лет. – Линда всхлипнула, потом долго сдерживаемые слова и чувства хлынули потоком. – Пока живы родители, они до последнего вздоха защищают тебя. Заслоняют от темной ледяной пропасти. Ты видишь родные лица, думаешь: мой черед еще не скоро, где-то далеко-далеко. Потом они уходят, а ты остаешься один на один с надвигающейся смертью. Оказывается, она гораздо ближе, чем ты думаешь и больше некому тебя защитить... Я целыми днями не выходила из дома, все перебирала в памяти то светлое, что у меня было, чтобы вернуть желание жить дальше. И знаешь, что я поняла?

– Что?

– Счастье – оно незаметно. Мы часто не обращаем на него внимания, пропускаем момент, когда были счастливы. Беспокоимся о ежедневной рутине, о мелких проблемах, не успевая осознать, что счастье – рядом. Что оно было в нашей жизни. Было и прошло.

– Что-то я тебя не совсем понимаю.

– Однажды мы с мамой собрались в театр. Нарядились, поехали и только на входе поняли, что забыли билеты дома. Купить другие не получилось. Сильно расстроившись, мы вышли на улицу, свернули в первый попавшийся переулок. Заглянули от нечего делать в крохотный старый музей, а там попали на увлеченного, скучавшего без аудитории экскурсовода. Три часа мы, разинув рты, зачарованные его красноречием, слушали, не замечая времени. Как-то с подружкой поехали в музыкальную школу. Заболтавшись в автобусе, проехали несколько остановок. Обратного рейса ждать было долго, и мы решили срезать дорогу. В результате на занятия в тот день не попали, зато от души нагулялись по осеннему городу, прошли из конца в конец через старый парк, глядели на облака, подбирали красивые опавшие листья, любовались птицами, белками... Ох и влетело нам потом! Или вспомни нас с тобой, когда мы захлопнули дверь съемной квартиры, забыв ключи внутри. Часа три играли с местной детворой на площадке, ожидая прихода слесаря. Он сменил замок, ключи стали бесполезны, но я сохранила свой на память. Такие ситуации всегда очень сильно выбивали меня из колеи. Много дней спустя я продолжала изводить себя, сокрушаясь о нарушенных планах. И лишь недавно осознала, что, когда я разглядывала с мамой пожелтевшие газетные вырезки в пустом музее, когда гуляла с подружкой по парку, когда до бровей вымазалась с тобой в песке при строительстве башни для кукольной принцессы, когда я была вырвана из привычной круговерти задач, списков неотложных дел, планов – в те минуты я была счастлива. Понимаешь теперь, о чем я?

– Кажется, да. Немного.

– После этого я пообещала себе, если ты вернешься, не набрасываться со старыми обидами, упреками... Ведь на самом деле, в глубине души я буду рада снова увидеть тебя, говорить с тобой, быть рядом. Я не дам пустым заботам и тревогам снова отвлечь меня от ощущения счастья.

Николай успел подумать, что никогда не видел Линду такой: увлеченной, напористой, с горящими глазами, однако мгновение спустя девушка спохватилась и, смутившись, добавила:

– Ой, да что это я все о себе, да о себе. Расскажешь, что с тобой случилось?

Николай задумался. Пожалуй, ничего страшного не произойдет. Сам же хотел спокойно поразмышлять, разложить все по полочкам.

– Хорошо. Только, извини, я голодный, как волк. Буду говорить с набитым ртом.

– Переживу как-нибудь.

Николай в двух словах изложил события последних часов, объяснив, в какую передрягу попал. Ему не понравились романтически-восторженные взгляды Линды, пробивающиеся сквозь сочувственное выражение лица. Похоже, девушка сделала из его визита поспешные далеко идущие выводы, но придумать, как поделикатнее вернуть ее с небес на землю, пока не получалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.